0 29/312

О 29/312

Генералъ-Лейтенантъ

ГАНЕЦКІЙ

и

ЕГО ПОБѢДА НАДЪ ОСМАНОМЪ ПАШЕЙ ПОДЪ ПЛЕВНОЙ 28 НОЯБРЯ 1877 ГОДА.

Фр 32-2010

МОСКВА.

Типографія МАРТЫНОВА и К°. (бывш. Грачева и К°.), на Тверской, д. Хомяковыхъ, бывш. Пороховщикова.

1878.

I.

Не дешево досталась намъ Плевна, не мало было хлопотъ и возни съ ней, не мало радовались недруги наши, что наша армія долго задерживается подъ Плевной.

Но какъ ни крѣпко было положеніе запершагося въ ней турецкаго генерала, однако часъ его уже близился къ концу.

Онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, ни провіанта, ни оружія къ нему нельзя было провезти, а между тѣмъ болѣзни сильно начали развиваться въ его арміи: она могла сама собой уничтожиться.

Для главной нашей квартиры критическое положеніе турокъ не было тайной; тамъ знали, что оно не позволитъ продержаться имъ далѣе 2 или 4-го декабря,

Весь вопросъ сводился только къ тому: сдасться ли Османъ просто, или сдѣлаетъ попытку пробиться: но куда? на Ловчу или на Виддинъ?

Послѣднее направленіе казалось болѣе вѣроятнымъ потому, что здѣсь русскія позиціи казалось слабѣе ловченскихъ, гдѣ стоялъ генералъ Скобелевъ, да, послѣднія позиціи представляли кромѣ естественныхъ укрѣпленій, еще и искусственныя. Съ этой стороны турки терпѣли однѣ только неудачи, поэтому можно было попытать счастья съ другой стороны.

Но направленіе на Виддинъ, въ случаѣ удачнаго прорыва, само по себѣ, не могло имѣть никакого стратегически важнаго значенія, ни для насъ, ни для Османа, потому что, во первыхъ, его армія, уже истощенная продолжительною блокадою, неизбѣжно встрѣчалась бы по пути съ нашими и румынскими войсками, занимающими съ одной стороны Врацу, съ другой—Рахово, Цибру и Ломъ-Паланку, да кромѣ того ее преслѣдовали бы по пя-

тамъ наши главныя силы; во вторыхъ, каждый шагъ къ Виддину отдалялъ бы Османа отъ Мехмеда-Али, предполагавшаго двинуться изъ Софіи на выручку Плевны.

Такимъ образомъ удачный прорывъ, отдаляя нѣсколько лишь время и мѣсто сдачи, могъ бы поддержать только блескъ военной репутаціи самого Османа; но для Турціи не принесъ бы ни малѣйшей существенно-стратегической выгоды.

Надо однако сказать, что основываясь на личномъ характерѣ и воинской стойкости Османа, общее мнѣніе у насъ склонялось къ тому, что онъ непремѣнно будетъ пробиваться, и мы не ошиблись.

Вечеромъ 27-го ноября ружейный огонь изъ турецкихъ траншей, обыкновенно не прекращавшійся ни днемъ, ни ночью противъ позиціи генерала Скобелева, вдругъ прекратился. Проходитъ полчаса, проходитъ часъ и болѣе, а не слыхать ни одного выстрѣла, ни одна пуля не провоетъ надъ нашими окопами.

„Что это значитъ?... Ужъ не готовятся ли къ новой аттакѣ?... Тишина у непріятеля невольно наводила на разныя сомнѣнія, и потому генералъ Скобелевъ рѣшился командировать особый секретъ, приказавъ ему высмотрѣть, что дѣлается у противника.

Секретъ отправился, заложивъ ружья за спину; подползаетъ онъ, крадучись, къ турецкой траншеѣ, прислушивается—мертвая тишина... не слышно ни голоса людскаго, ни шаговъ, ни вообще какого либо изъ тѣхъ случайныхъ звуковъ и шороховъ, которые всегда служатъ признакомъ хотя самаго осторожнаго, самаго сдержаннаго присутствія людей.

Ползетъ секретъ далѣе на самый гребень траншеи, глянулъ за него по ту сторону—пусто! Соскочили наши внутрь траншеи, прошли нѣсколько шаговъ заглянули въ одну, другую, третью землянку нигдѣ ни души. Очевидно, вся траншея была уже покинута.

„Но есть ли кто нибудь еще въ Кришинскомъ редутѣ? Идутъ къ редуту. Тамъ, насколько можно судить, по слуху люди еще копошатся, но уже покидаютъ укрѣпленія; кажись орудія увозятъ; слышны шаги и голоса по дорогѣ къ шоссе, немазанныя колеса гдѣ то скрипятъ, огней тоже не видать по всей линіи.

Секретъ возвратился къгенералу Скобелеву и донесъ о всѣхъ своихъ наблюденіяхъ. Генералъ тотчасъ же извѣстилъ объ этомъ по телеграфу Великаго Князя Главнокомандующаго въ Боготѣ и генерала Тотлебена въ Тученицѣ. Послѣдній не замедлилъ сообщить тоже и генералу Ганецкому, командующему гренадерскимъ корпусомъ и всѣмъ завидскимъ или „тыловымъ Плевнинскимъ отрядомъ.

Вскорѣ послѣ полуночи Великій Князь отправилъ за Видъ полковника Моравскаго, узнать, не замѣчается ли тамъ какихъ либо приготовленій турокъ къ выходу изъ Плевны.

Генералъ Ганецкій, получивъ телеграмму изъ Тученицы, отдалъ распоряженіе по всему тыловому отряду быть на готовѣ. Наши кавалерійскіе аванпосты окаймляли все передовое пространство завидской позиціи и часть изъ нихъ стояла неподалеку отъ самаго моста.

Ночь была такъ темна и туманна, что слѣдить глазомъ не представлялось ни малѣйшей возможности; тѣмъ не менѣе сторожевые посты исполнили свою обязанность вполнѣ исправно: они слѣдили за непріятелемъ на слухъ, и замѣчательно, что по всей линіи нашихъ аванпостовъ, въ эту ночь не было долго ни одного выстрѣла, хотя нѣкоторые посты приближались почти вплотную къ непріятелю; они не хотѣли безпокоить его преждевременною тревогой и только заботились о томъ, чтобы слушать какъ можно чутко и повнимательнѣе.

Время отъ времени они посылали донесенія къ генералу Ганецкому, и эти, „донесенія на слухъ“ сводились къ тому, что на непріятельскомъ (правомъ) берегу

Вида, окола моста, слышенъ скрипъ громадныхъ обозовъ; что часть повозокъ спускается съ высоты къ берегу и въ одномъ мѣстѣ входитъ въ самую рѣку, но на противный берегъ не переправляется, а остается въ рѣкѣ, что вмѣстѣ съ тѣмъ слышенъ глухой шумъ отъ скопляющейся большой массы людей и животныхъ, хотя огней нигдѣ не замѣтно.

Генералъ Ганецкій высказывалъ полное удовольствіе по поводу этой прекрасной сторожевой дѣятельности нашихъ кавалеристовъ и дѣйствительно больше этого при подобныхъ условіяхъ, не возможно требовать и ожидать ни отъ какой кавалеріи.

Поздній зимній разсвѣтъ и туманная мгла долго не позволяли разглядѣть, что дѣлается за мостомъ; но вотъ легкій морозецъ, покрывшій обильнымъ инеемъ всю землю уничтожилъ туманъ и вскорѣ слабо заалѣло небо на востокѣ.

Тогда предъ сторожевыми нашими постами открылась широкая низина, лежащая меж-

ду Опонецкими и Терниискими высотами и выходящая къ Виду. Вся эта низина и всѣ склоны предмостныхъ возвышенностей покрыты были сплошными массами людей и обозовъ.

Неподалеку отъ каменнаго моста оказался другой, устроенный изъ составленныхъ попарно повозокъ, поверхъ которыхъ наскоро накинута была досчатая и фашинная настилка.

Теперь уже сдѣлалось ясно, что тутъ собрана вся армія Османа, и дѣйствительно, въ 8 часовъ утра, быстро спускаясь съ высотъ, потянулись по обоимъ мостамъ на нашу сторону густыя массы турецкой пѣхоты.

Сторожевые наши посты медленно стали отходить на линіи своихъ окоповъ, пославъ предварительно въ Дольный Дубнякъ, къ генералу Ганецкому, извѣстіе о выступленіи непріятеля.

Какъ только генералъ Ганецкій прочелъ донесеніе, тотчасъ же, какъ бѣлая игла взвилась на воздухъ сигнальная ракета и по всему длинному и широкому пространству нашей тыловой позиціи барабаны зарокотали тревогу.

Какъ на простыхъ, мирныхъ маневрахъ спѣшно, но безъ малѣйшей суеты, становились гренадеры въ ружье и строились въ шеренги на линейкахъ предъ шалашами: фельдфебели и „ротные“ повѣряли своихъ людей и сводили ихъ въ батальоны. Не прошло еще десяти минутъ, какъ всѣ уже стояли на своихъ мѣстахъ, сплотившись въ столь же стройныя, сколько и грозныя колонны.

Но генералъ Ганецкій не сталъ дожидаться пока соберутся и построятся его баталіоны: пяти минутъ еще не прошло съ того момента какъ зашипѣла ракета и барабаны еще били тревогу по всей нашей линіи окоповъ, а онъ, вскочивъ на коня, уже мчался въ карьеръ къ передовымъ траншеямъ, расположеннымъ въ раз-

стоянiи около трехъ верстъ отъ моста, и занятымъ въ этотъ день, по очереди сибирскимъ гренадерскимъ полкомъ, шефомъ котораго, какъ извѣстно числится его высочество великiй князь Николай Николаевичъ Старшiй.

Турки бѣгомъ выстраивали свою боевую линiю на широкой Завидской зравнинѣ и стремительно бросились въ наступленiе, не подумавъ даже о необходимости обстрѣлять предварительно артиллерiйскимъ огнемъ, нашу укрѣпленную позицiю.

Надо отдать имъ полную справедливость если наши гренадеры приготовлялись къ бою, по тревогѣ, какъ на маневрахъ, то турки тоже, какъ на маневрахъ, вели безъ выстрѣла свою стремительную аттаку. Нужды нѣтъ что изъ нашихъ траншей осыпали ихъ ружейнымъ огнемъ, что губительныя шрапнели цѣлыми десятками рвались надъ ихъ головами, они шли съ склоненными штыками молча и только старались учащать быстрый темпъ своего шага.

Какъ видно, практика сильныхъ ощущеній нашего артиллерійскаго огня, которымъ угощали мы ихъ безпрерывно въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ, не прошла для нихъ даромъ: они вполнѣ пріучились и къ пулямъ, и къ гранатамъ, и шли теперь на насъ, какъ одно изъ самыхъ боевыхъ, самыхъ закаленныхъ войскъ въ мірѣ.

Идти около трехъ верстъ, и замѣтьте, не по турецки, а подъ дѣйствительномѣткимъ огнемъ, и идти безъ единаго ружейнаго или орудійнаго выстрѣла съ своей стороны, это чего нибудь да стоитъ ..

Аттаку велъ самъ Османъ-паша, красовавшійся передъ своими войсками на прекрасномъ рыжемъ жеребцѣ, который былъ присланъ ему въ подарокъ отъ султана. Едва прошли какіе нибудь полчаса, какъ турки были уже передъ нашими траншеями. Съ одушевленными криками „алла" кинулись они въ штыки на окопы и въ одно мгновеніе смѣшались въ нихъ съ Сибирцами.

Ни одинъ изъ нашихъ солдатъ не оставилъ передовой траншеи: всѣ полегли тамъ, подъ турецкими штыками, и когда наши, на другой день боя, объѣзжали этимѣста, то видѣли груды русскихъ и турокъ, застывшихъ вмѣстѣ въ предсмертной борьбѣ словно въ братскихъ объятіяхъ.

Овладѣвъ траншеею, турки бросились на нашу земляную баттарею, гдѣ стояли 6 полевыхъ орудій 2-й баттареи 3-й гренадерской артиллерійской бригады. Большая часть прислуги была переколота. Долѣе прочихъ оборонялся артиллеристъ Карабаловъ, который билъ враговъ своимъ банникомъ и, уложивъ имъ нѣсколько человѣкъ, вышелъ невреднимъ изъ неравной схватки.

Въ нѣсколько минутъ непріятель достигъ втораго ряда нашихъ траншей. Но здѣсь подоспѣлъ Малороссійскій гренадерскій графа Румянцева Задунайскаго полкъ, который поддержалъ Сибирцевъ, и тогда началось горячее стрѣлковое, а потомъ и штыковое дѣло.

Въ это время генералъ Ганецкій замѣтилъ, что турки видимо хотятъ пробиться къ Дунаю, потому что подъ прикрытіемъ своей аттаки на наши ложементы, спѣшно направляли на сѣверъ головы своихъ обозовъ.

Понятно поэтому что наибольшія усилія Османа были направлены на лѣвый флангъ Сибирцевъ, который наконецъ и сталъ подаваться назадъ, послѣ упорнаго, но слишкомъ неравнаго, боя. Были нѣкоторыя роты, которыя выводили изъ боя не болѣе какъ по пятнадцати человѣкъ. потерявъ. всѣхъ офицеровъ.

На помощь лѣвому флангу должна была подойти 2-я бригада 3-й гренадерской дивизіи но до ея прихода генералъ Лашкаревъ, находившійся тутъ съ 9-ю кавалерійской дивизіею, выстроилъ свои полки въ боевой порядокъ и приготовился встрѣтить непріятеля въ случаѣ прорыва. Подъ Лашкаревымъ упала лошадь, пронзенная двумя пулями, и въ тоже время до пятнадцати коней выбыли изъ строя.

Турки между тѣмъ ломились на нашъ лѣвый флангъ, пока не наткнулись на 1-ю бригаду 5-й пѣхотной дивизіи, расположенную въ траншеяхъ, идущихъ къ Виду, подъ тупымъ угломъ отъ лѣваго фланга Сибирцевъ.

Полки этой бригады Архангелогородскій и Вологодскій, подъ начальствомъ генералъ-маіора Рыкачева, приведенные на смѣну Румынъ дня за три до 28-го числа, неожиданно встрѣтили противника изъ за окоповъ такимъ огнемъ, что турки сразу оставили всякія дальнѣйшія покушенія противъ лѣваго фланга, но за то всѣ свои усилія сосредоточили противъ центра нашей позиціи. Генералъ Ганецкій все время разъѣзжалъ по войскамъ первой линіи и ободрялъ ихъ.

— Кукурузники, не отступать и не смѣй думать объ этомъ, съ веселымъ видомъ грозя кулакомъ, кричалъ онъ нѣсколькимъ сибирскимъ ротамъ, предъ которыми въ одномъ мѣстѣ, разстилалось кукурузное поле.

— Ваше превосходительство, патроновъ нѣтъ! Разстрѣляли уже всѣ патроны. Отвѣчали ему изъ ложементовъ солдаты, показывая пустые подсумки.

— Ну, и наплевать, коли нѣтъ! такіе молодцы и безъ патроновъ, однимъ штыкомъ турнутъ непріятеля, да и баттарею свою назадъ отберутъ!

— Ради стараться, ваше превосходительство! Прикажите впередъ идти?

— Не торопись, братцы, будетъ время прикажу! Не бойсь, назадп не останетесь! А патроны вотъ уже подвозятъ!

Въ то время турки успѣли переправить за Видъ семь орудій, которыя приблизились къ намъ настолько, что гранаты ихъ летѣли черезъ обѣ линіи нашихъ окоповъ и лопались около резервовъ.

Все это, въ соединеніи съ отчаянными усиліями непріятеля противъ центра, побудило Ганецкаго послать находившагося

въ его распоряженіи свиты генералъ-маіора Струкова къ начальнику 2-й гренадерской дивизіи, генералъ-лейтенанту Свѣчину, который уже шелъ отъ Дольнаго Дубняка къ мѣсту боя.

Ганецкій приказалъ Струкову вести эту дивизію въ направленіи того пункта, гдѣ турки сосредоточивали наибольшія свои усилія, и указать ей мѣсто, назначенное для нея въ боевой линіи.

Между тѣмъ раненые у насъ все прибывали и прибывали: на носилкахъ, пѣшкомъ и ползкомъ, тащились они кое-какъ къ перевязочному пункту, но не раздавалось среди нихъ ни громкаго стона, ни ропота. Всѣ они, отъ старшихъ офицеровъ до послѣдняго солдата, сознавали, что на этомъ полѣ идетъ теперь рѣшительное дѣло чуть ли не объ участи цѣлой войны, а тутъ уже не до личныхъ страданій того или другаго!...

Ганецкій все еще продолжалъ разъѣзжать по боевымъ линіямъ и ободрять сол-

дать. Его сопровождали: начальникъ отряднаго штаба полковникъ Маникинъ-Невструевъ, генеральнаго штаба полковникъ Фрезе, адъютанты и ординарцы. Начальники обѣихъ гренадерскихъ дивизій, генералъ-лейтенанты Свѣчинъ и Даниловъ, съѣхались на нѣсколько минутъ съ генераломъ Гапецкимъ и, среди боя, держали съ нимъ непродолжительное совѣщаніе относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій.

Сѣвшимъ шагомъ и въ образцовой стройности проходилъ мимо корпуснаго командира Астраханскій гренадерскій Наслѣдника Цесаревича полкъ.

— Помните, Астраханцы, чье имя вы носите!—крикнулъ имъ Гапецкій, послѣ обычнаго привѣтствія.

Рядомъ съ Астраханцами, но нѣсколько правѣе ихъ, двигались въ томъ же направленіи Самогитскіе гренадеры. Оба эти полка, вспомнивъ боевую снаровку своихъ доблестныхъ суворовскихъ дѣдовъ, дружнымъ ударомъ въ штыки „на ура“ насѣли

на противника, поддержавъ изнемогавшихъ въ продолжительномъ и неравномъ бою Сибирцевъ.

Вышвырнувъ изъ траншеи турокъ, они отбили у нихъ захваченныя русскія пушки. Но мало того, здѣсь же были взяты съ бою и семь турецкихъ орудій, вмѣстѣ съ ящиками, между которыми нашлись и наши, русскіе, а рядовой Астраханскаго полка Егоръ Ждановъ съ бою взялъ турецкое знамя.

Одно изъ турецкихъ орудій замѣчательнымъ образомъ было отнято однимъ человѣкомъ. Лейбъ-казакъ 4-го эскадрона Арсеній Нефедьевъ, наряженный въ качествѣ вѣстоваго къ генералу Каталею, былъ посланъ этимъ послѣднимъ къ Терпинской позиціи, на поле сраженія узнать, что тамъ дѣлается.

Нефедьевъ, верхомъ, примкнулъ, къ охотникамъ, штурмовавшимъ отбитую у насъ траншею, и когда турки, не выдержавъ удара, дали тылъ и спѣшили увозить свои пушки, Нефедьевъ погнался за крайнимъ

орудіемъ, свалилъ ударами своей берданки двухъ ѣздовыхъ и, взявъ подъ уздцы одну изъ упосныхъ лошадей, повернулъ орудіе назадъ и привезъ его къ ложементамъ, уже занятымъ гренадерами.

Съ отбитіемъ траншеи, успѣхъ сраженія склонился на нашу сторону. Это было въ половинѣ одиннадцатаго часа утра. Турки заколыхались и, поддерживая перестрѣлку, отбѣжали на разстояніе ближняго ружейнаго выстрѣла откуда открыли частый огонь по нашимъ баттареямъ.

Тутъ завязался ожесточенный стрѣлковый бой, которому вторила артиллерійская канонада. Наши орудія стрѣляли изъ-за окоповъ, а турецкія съ высоты мостовыхъ укрѣпленій, и съ Олонецкихъ редутовъ. Гранаты противника рвались среди нашихъ войскъ и, такимъ образомъ, ружейная и орудійная пальба безъ умолку гремѣла по всей линіи войскъ нашихъ и турецкихъ.

Въ это время подъ Османомъ-пашею была убита его рыжая лошадь и самъ онъ ра-

нешъ пулею въ икру на вылетъ. Преувеличенная молвою вѣсть о ранѣ (благодаря паденію коня) даже и смерти Османа быстро пронеслась по рядамъ его арміи. И вотъ что значитъ подобная случайность тамъ, гдѣ все дѣло держится не на собственныхъ нравственно-боевыхъ качествахъ войска, а единственно лишь на волоскѣ личности и авторитета самаго главнокомандующаго!

Тѣ же самые баталіоны, которые полчаса назадъ съ такою отчаянною рѣшимостью лѣзли на наши окопы и послѣ отбитаго штурма все еще осыпали насъ огнемъ съ совершенно открытаго поля— вдругъ, чуть лишь разнеслась вѣсть о паденіи Османа, шарахнулись назадъ, къ Виду, въ самомъ крайнемъ безпорядкѣ.

Наши гренадеры, съ барабаннымъ боемъ, тотчасъ же по всей линіи перешли въ общее наступленіе. Турки съ каждой минутой разстраивались все болѣе и болѣе, такъ что въ полдень вся Плевнинская армія бѣжала уже въ разбродѣ отовсюду,

сплошь заполнивъ собою все раздольное пространство открытаго и широкаго поля.

Представьте себѣ нещадно раззоренную муравьиную кучу, изъ которой миріады обитателей ея поползли вдругъ въ одномъ направленіи, обгоняя, переползая одинъ черезъ другаго и опрокидывая другъ друга; вотъ только съ чѣмъ можно сравнить это единственное въ своемъ родѣ бѣгство.

Люди, казавшіеся издали сѣрыми и синими точками, именно какъ муравьи двигались по равниѣ и сплошными темными массами толпились у обоихъ мостовъ на Видѣ, а въ это время наши гранаты то и дѣло разрывались посреди ихъ въ разныхъ направленіяхъ. Здѣсь полегло много турокъ....

Но хуже всего было имъ у Вида. Въ крайнемъ безпорядкѣ кидались эти массы на мосты и прямо въ рѣку, сталкивая одинѣ другихъ цѣлыми кучами; несчастные раненые, военные обозы, орудія, за-

рядные ящики, обывательскія арбы съ имуществомъ и хозяевами стремглавъ летѣли въ воду, послѣ того какъ перила на каменномъ мосту обломались.

Наконецъ, большая часть всего этого успѣла кое-какъ перебраться на тотъ берегъ, столпилась на шоссѣ въ полугорѣ, и поползла въ разныхъ направленіяхъ на глинистыя вершины. Но множество турокъ оставалось еще около мостовъ и по нашу сторону Вида.

Артиллерійская бригада флигель-адъютанта полковника Щеголева, памятнаго всей Россіи еще съ прошлой восточной войны, по геройской оборонѣ Одессы, выскакала далеко впередъ подъ гранатнымъ огнемъ турецкихъ редутовъ и сыпала картечью въ смятенныя толпы непріятеля.

Генералъ Ганецкій счелъ умѣстнымъ даже пріостановить нѣсколько лихое наступленіе этой бригады, изъ опасенія, что, если неравно турки вздумаютъ вдругъ воспользоваться ея черезчуръ изолированнымъ

расположеніемъ и бросятся съ отчаянія на нее въ атаку, то орудія наши, пожалуй, и не успѣютъ уйти благодаря вязкой, разбухшей отъ дождей почвѣ,

Наконецъ, сквозь пороховой дымъ, замѣтили въ свитѣ генерала Ганецкаго, что на мосту, среди всей этой толчеи и сумятицы, широко машетъ кто-то бѣлымъфлагомъ.

Вскорѣ послѣ этого изъ нашей передовой цѣпи привезли къ генералу турецкаго офицера съ завязанными глазами. Но Ганецкій, зная неоднократно уже испытаное нами вѣроломство въ этомъ отношеніи турокъ, отказался принять парламентера и приказалъ трубачу проводить его обратно къ мосту.

Перестрѣлка между тѣмъ продолжалась. Но не прошло и четверти часа, какъ пріѣхалъ новый парламентеръ, не говорящій впрочемъ ни на какомъ языкѣ, кромѣ турецкаго. Этотъ послѣдній точно также не былъ допущенъ къ переговорамъ нашимъ генераломъ, который подозвавъ къ себѣ

Струкова, просилъ его написать на французскомъ языкѣ записку къ самому Осману.

„Ваше превосходительство! — писалъ карандашемъ на клочкѣ Струковъ, — командующій отрядомъ, генералъ Ганецкій, поручилъ передать Вамъ, что онъ приметъ для переговоровъ только лицо, замѣняющее вашу особу, такъ какъ генералу извѣстно, что сами Вы ранены."

Вручивъ эту записку турецкому посланцу, Ганецкій приказалъ Струкову ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ мосту и тамъ ожидать отвѣта.

Въ недоумѣніи многія тысячи турокъ толпились на правомъ берегу Вида, томясь еще неизвѣстностью о своей участи, тогда какъ на нашей сторонѣ уже гремѣло, могучими раскатами отъ баталіона къ батальону, побѣдное „ура" во славу русскаго государя!

II.

Подъѣхавъ къ мосту, генералъ Струковъ увидѣлъ, что на встрѣчу ему, въ сопровожденіи двухъ кавалеристовъ, скачетъ какой то бѣлокурый офицеръ, съ розовымъ лицомъ и небольшими рыжеватыми усами. Не смотря на красную феску, въ типѣ этого лица сказывалось гораздо болѣе европейскаго, чѣмъ турецкаго начала.

— Тевфикъ-паша, лива (бригадный генералъ), исполняющій должность начальника штаба арміи Османа-паши, рекомендовался онъ на французскомъ языкѣ, изящно приложивъ руку къ фескѣ.

Струковъ отрекомендовался взаимно и спросилъ, имѣетъ ли онъ какія либо полномочія отъ Османа?

Тевфикъ-паша отвѣчалъ отрицательно.

— Въ такомъ случаѣ, генералъ, чего же вы желаете, приближаясь къ нашей цѣпи?

— Армія сдается, Османъ-паша тоже.

— Это мы знаемъ, но мы не видимъ пока лица, вполнѣ уполномоченнаго для переговоровъ. Намъ нужно лицо, которое бы вполнѣ замѣняло особу вашего главнокомандующаго; объ этомъ уже писано къ вамъ.

Тевфикъ-паша заявилъ, что такъ какъ раненый Османъ положительно лишенъ всякой возможности выѣхать самъ къ генералу Ганецкому, и такъ какъ ему не хотѣлось бы помимо самого себя вручать кому бы то ни было слишкомъ важную и отвѣтственную обязанность переговоровъ о сдачѣ цѣлой арміи, то онъ покорнѣйше проситъ, не будетъ-ли генералъ Ганецкій столь любезенъ пожаловать въ шоссейную караулку, гдѣ пріютился пока турецкій главнокомандующій.

Генералъ Струковъ послалъ ординарца передать это приглашеніе по принадлежности, а Тевфикъ-паша рысью воротился назадъ, къ Осману.

Не задолго предъ этимъ у насъ былъ поданъ сигналъ отбоя стрѣльбы. Турки не стрѣляли тоже. Но тутъ, среди томительнаго ожиданія съ обѣихъ сторонъ, наступила нравственно очень трудная минута: обѣ стороны были нервно напряжены до послѣдней крайности и каждый человѣкъ чувствовалъ, что если вдругъ сорвется откуда нибудь случайный, нечаянный выстрѣлъ,—кровопролитный бой, какъ порохъ, снова вспыхнетъ въ то же мгновеніе еще съ большею силой и ожесточенностью.

Генералъ Гапецкій, казалось, испытывалъ то же самое опасеніе, а потому, подъѣхавъ къ мосту и указавъ рукой на караульный домикъ, онъ отрывисто сказалъ Струкову одно только: „ступайте!“

Струковъ далъ шпоры и поскакалъ въ гору по шоссе, около котораго валялись мертвые и раненые турки. Массы пока еще вооруженныхъ турецкихъ солдатъ въ нѣмомъ и непріязненномъ молчаніи стояли на мосту, на дорогѣ, на брустверахъ баттареи и на горныхъ склонахъ, къ кото-

рымъ въ это время, пройдя Кришинскія укрѣпленія, приближалась 16-я дивизія, съ генераломъ Скобелевымъ во главѣ, а лѣвѣе ея подходила гвардейская бригада генерала Философова, расположенная до сего на правомъ флангѣ Завидской позиціи.

Пробравшись сквозь тѣсныя толпы турецкихъ солдатъ и объѣхавъ нѣсколько группъ убитыхъ и раненыхъ, генералъ Струковъ приблизился къ шоссейной караулкѣ, около которой скучилась масса непріятельскихъ фронтовыхъ офицеровъ и нѣсколько пашей, беевъ, докторовъ съ повязкою „краснаго полумѣсяца„ и личныхъ адъютантовъ Османа.

Домикъ этотъ представляетъ изъ себя обыкновенную бѣлую мазанку подъ черепичною кровлей, прислоненную задомъ къ горному склону и укрытую спереди брустверомъ мостоваго укрѣпленія, которое изнутри было изрыто, словно ямами, безпорядочно расположенными землянками.

Бросивъ поводья вѣстовому казаку, Струковъ вошелъ въ сѣни караулки. Направо

дверь, налѣво дверь, и прямо впереди тоже дверь, ведущая въ коровникъ, наполненный ранеными. Правая комната биткомъ набита была турецкими офицерами и наполнена облаками табачнаго дыма; на полу валялось нѣсколько мѣдныхъ, измятыхъ подъ ногами музыкальныхъ трубъ, разсыпанные патроны, разорванные патронташи, исковерканное оружіе. Толпа эта глухо и серьозно разговаривала между собою,

— Гдѣ здѣсь Османъ-паша? спросилъ по-французски Струковъ.

Одинъ изъ ближайшихъ къ выходу офицеровъ, окинувъ его апатически-равнодушнымъ взглядомъ, молча кивнулъ головою на лѣвую дверь. Струковъ отворилъ ее и переступилъ порогъ.

Въ убогой, тѣсной горенкѣ, давно уже прокоптѣлой отъ дыма большаго очага, помѣщавшагося направо отъ входа, и едва освѣщаемой двумя маленькими оконцами, откинувшись нѣсколько назадъ, къ стѣнѣ, сидѣлъ Османъ на вбитой въ землю дере-

вянной скамейкѣ. Нравственное и физическое утомленіе сказывалось во всей фигурѣ и отчасти въ лицѣ турецкаго главнокомандующаго. Впрочемъ лицо его хотя и было блѣдно, но спокойно. Раненая лѣвая нога Османа, освобожденая отъ сапога, лежала на пустой жестяной коробкѣ изъ-подъ патроновъ.

Личный врачъ Хасибъ-бей, пожилой, высокій и широкоплечій мужчина, склонившись на одно колѣно, заботливо осматривалъ его рану, окруженный бинтами, медикаментами, инструментнымъ приборомъ, металлическимъ тазомъ и восточнымъ кувшиномъ съ водою.

Наружность паши съ перваго же взгляда производитъ довольно пріятное впечатлѣніе. На видъ ему лѣтъ за сорокъ, и если вообразить себѣ вмѣстѣ съ этимъ сильную физическую натуру, при среднемъ ростѣ и нѣкоторой дородности стана, характерный погибъ бровей, небольшіе каріе глаза съ очень умнымъ, но тихимъ выраженіемъ, широкое, здоровое лицо съ нѣсколько выдающимися

верхними скулами, обрамленное небольшою темною бородою—это приблизительно будетъ портретъ Османа.

Одѣтъ онъ былъ въ черный сюртукъ тонкаго сукна, съ расшитыми галуномъ рукавами, ни на шеѣ, ни въ петлицѣ ни одного ордена: съ одной стороны спускалось пальто небрежно накинутое на плечи, съ боку висѣла кривая сабля, та самая что была ему прислана отъ султана.

Вдоль стѣнъ этой горенки безмолвно стоялъ цѣлый рядъ старшихъ пашей, съ почтительно и грустно потупленными головами. Здѣсь между прочимъ присутствовали ферикъ (дивизіонный генералъ) Адиль-паша, участвовавшій еще въ прошлой восточной войнѣ—большая,—красивая, спокойная и почтенная фигура; Тевфикъ-паша, получившій образованіе въ Парижѣ: Атифъ-паша, Гуссейнъ-паша, Садыкъ-паша Эдхемъ-паша и многіе другіе.

При входѣ Струкова, Османъ не безъ усилія поднялся со скамейки, сдѣлалъ по

восточному, обычный привѣтственный знакъ и первый протянулъ вошедшему руку.

Я сюда явился, сказалъ Струковъ, по приказанію генерала Ганецкаго, который предлагаетъ вамъ безусловную сдачу, какъ васъ самихъ, такъ и всей вашей арміи.

Османъ задумался, а немного спустя, тихо сказалъ:

Я вполнѣ покоряюсь желаніямъ вашего главнокомандующаго.

Послѣ этого генералъ Струковъ тотчасъ же послалъ за Ганецкимъ.

Генералъ-лейтенантъ Павелъ Степановичъ Ганецкій еще въ 1828 г. поступилъ въ военную службу прапорщикомъ въ Финдлянскій полкъ. Онъ съ тѣхъ поръ участвовалъ во всѣхъ войнахъ Россіи. Всѣ 50 лѣтъ своей службы онъ посвятилъ боевымъ трудамъ.

Въ 1828 г. участвовалъ въ турецкой кампаніи, въ 1836 г. былъ на Кавказѣ,

въ 1849-противъ венгровъ, въ 1855 принималъ участіе въ Крымской кампаніи въ 1863 г. противъ поляковъ. Черезъ полчаса онъ пріѣхалъ къ Осману, которому радушно протянулъ руку, сказавъ:

— Поздравляю Васъ вы чудно вели свою аттаку!... Прикажите класть оружіе.

Проговоривъ, онъ сѣлъ на широкую скамью рядомъ съ Османомъ. Послѣдній молчалъ, сохраняли молчаніе и другіе турецкіе генералы. Ганецкій повторилъ предложеніе.

Тогда Османъ, тяжело вздохнувъ, далъ приказаніе Адиль-пашѣ, чтобъ онъ велѣлъ класть оружіе.

Грустно вышелъ изъ комнаты послѣдній. Османъ снялъ съ себя саблю и молча подалъ ее Ганецкому.

Началась сдача. Осману предложено отправиться въ Плевну.

ЛИКУЙТЕ РОССЫ!

посвящается

храбрымъ Русскимъ войскамъ

Ликуйте Россы! Плевна пала
И храбрый взятъ Османъ-паша;
И славу новую стяжала
Россіи правая война!

Ликуйте Россы, славьте Бога!
Гремитъ далеко наша честь—
Въ добычу намъ досталось много
Орудій, ружей... счета нетъ!

Ликуйте Россы! Наша гордость—
Россіи храбрыя войска,
Въ конецъ разбивъ Османа твердость,
Сломили Плевну на ура!

Ликуйте Россы! съ горъ Балканскихъ
Побѣда радость принесла,—
Въ полонъ забравъ солдатъ османскихъ
Орла Россіи вознесла!

Ликуйте Россы! Бой геройскій
За вѣру свѣтлую Христа
Высоко поднялъ скипетръ царскій—
И знамя славное креста!

Н. Шереметевъ.

29 ноября 1877 г.